

Знакомьтесь: Изобретатель СССР и Литератор

Прелюдия: раннее-детское

Дверь рабочего кабинета открылась и, согласно договорённости, вошёл Александр Иванович – мой давний друг. За чашкой кофе, как обычно при наших встречах, возник оживлённый разговор. Александр заинтересованно спросил о моей технической текущей работе, и как движется моё стихотворчество. Но меня больше интересовала плодотворная литературная жизнь гостя, чем собственная. За многие годы общения с этим скромным человеком, я уже кое-что вытянул из него и знал об успехах, достигнутых им на атомном производстве и на литературной работе. При этой встрече я активно выспрашивал у него о своеобразном пути к Слову. Накопленного материала было достаточно, чтобы написать статью, но ещё хотелось задуманное подкрепить деталями, фактами и непосредственно, по некоторым вопросам, взять интервью. Всё состоялось – и прошлая жизнь Александра Ивановича, а сегодня – члена Союза писателей России, где ярче, где слабее, предстала в деталях и в наглядных материалах. Знакомьтесь...

Не буду давать эпитеты военному времени, сквозь которое, будучи ребёнком, прошёл Шурик. Но его жизнь не трудно представить, если узнать, что на начало войны у 34-летней мамы было пятеро детей: старшему 13 лет, меньшей – только родился. Отец, будучи прекрасным кузнецом, был мобилизован в трудовую армию.

Семья живёт в захолустном золотодобывающем прииске. Школа-десятилетка находится в четырёх километрах на центральном прииске Неожиданный. Но в любую погоду ходит в неё троица детей, иногда не все: девятилетнюю Машу оставляет мать домовничать и нянчиться с младшим и новорожденным братиком... Сама же – даже сибирской зимой – идёт к речушке мыть-добывать золото. Это его мельчайшие блёстки-частички могли как-то кормить семью. Чтобы добыть сокровища, надо было зимней ночью жечь костры-пожог, чтобы оттаять золотоносную породу. Но будет ли маломальский фарт: намочется ли золото – знать мог только Бог. Ему-то мать тихонько молится каждую ночь. К приходу матери с работы

– дочка нагревает воду, чтобы оттаять сапоги, примёрзшие к портянкам, и кое-как стянуть их с обмёрзших ног.

...С далёких дореволюционных лет мама имела хорошее образование – четыре класса церковно-приходской школы. После ужина, что Бог даст, она укладывала детей «впалку» на пол. Не на что было ни купить, ни поставить шесть кроватей. Откуда мать брала силы, но перед сном она изустно доносила до детей стихи Некрасова, Пушкина, Кольцова, Никитина. Незабываемо звучал «Ашик-Кериб». Доброе, мелодичное западало в детские души, – отодвигало ощущение голода. Днём Шурик вспоминал услышанное от мамы и неокрепшим голосом воспроизводил запомнившееся. Возможно, что ему, мысленно, представлялся крестьянский ребёнок и лошадка, везущая хворосту воз. «Студёную зимнюю пору» он ежедневно ощущал.

...Хиленько, слабенько ли, но растёт-подрастает Шурик. В лютую зиму 1943 года, с разрешения матери, старшие братики везут в саночках укутанного ребёнка на Новогоднюю ёлку. Так впервые он переступит порог тёплой, светлой школы, но не в качестве ученика, а как своеобразного экспоната, в котором затаено что-то интересное. Наступает момент, – и ребёнок предстаёт перед зрителями... Лямочка через плечо поддерживает убогие выцветшие штанишки, перешитые из брюк старшего брата. Сухонькие ручонки – по швам: так научила мама, и собравшиеся у новогодней ёлки слышат из уст малыша «Однажды, в студёную зимнюю пору...». В зале звучат всем понятные, чётко произносимые строки Некрасова. Азартные хлопки зрителей – первая награда теще. А потом – от сказочного Деда Мороза – красивый Новогодний кулёк-подарок с пряниками и конфетами. Так в годы войны Шурик и его семья впервые полакомятся сладостями.

Как в «Уроках французского»

Драматическое событие: пожар в школе уничтожил её духовную основу-библиотеку... Из богатейшего собрания книг, журналов, обрётённого более чем за вековую историю прииска Неожиданного, сохранилось только то, что было на руках читателей. Этой бедой было отнято у Шу-

• А.И. Обухов, 2017 (фото В. Григорьева)

рика с 3-го класса полноценное общение с книгой, ощущаемое им всю жизнь, как душевная и духовная травма.

...Забегая вперёд, можно предположить, что ни эта ли трагедия послужила одной из причин, что поэт Александр Обухов издаёт два сборника стихов для детей.

Незадолго до пожара семья переезжает на прииск Неожиданный – ближе к работе отца и к школе. Первая учительница Мария Васильевна Васильева с первого класса обратила внимание на Шурика, как успешного ученика, и в третьем классе усаживает его на первую парту со своим сыном Димой. Он вскоре приглашает соседа по парте к себе домой. После полудня – Шурик приходит к Диме. От обилия увиденных книг и журналов у него перехватило дыхание! Мария Васильевна приглашает ребят поесть. У гостя – руки по швам: так мама научила, и заученный ответ: «Я только что поел». Это воспитание найдёт позднее отклик в стихотворении «Во время войны».

*А так и выростали
Без каши и хлебов,
Но каждый был кристаллен:
Солгать – избави Бог.
Когда в гостях бывали
(Случалось между дел),
То честно отвечали:
– Я только что поел.*

Дальнейшее развивалось, как в рассказе «Уроки французского».

И Александр Иванович вспоминает подробности:

– На одной из перемен Дима говорит: – Саша, сегодня пойдём к нам сразу после уроков, так мама сказала, чтобы ты побольше почитал, а я тебе шахматы покажу.

И мы – два друга – вместе пришли из школы; вскоре – и Мария Васильевна. А чуть погодя, последовало:

– Дети! Быстренько обедать!..

Я вскочил, – руки по швам...

– А сегодня, Шурик, не получится «Я только что поел». Садись за стол, – весело пригласила Мария Васильевна. Подобные приглашения после уроков следовали неоднократно, но я не каждый раз устремлялся в гости – к обеду. Были отговорки: снег надо из ограды выбрасывать, дрова в баню таскать, голяши коровьи убирать из стайки. Да мало ли дел в деревенском быту... Но с этого времени книги и журнал «Мурзилка» стали моими постоянными друзьями. Учёба у меня шла хорошо...

...В 1951-м году происходит непотворимо-прекрасное событие в жизни пятиклассника Саши: его в числе лучших школьников награждают поездкой в город Красноярск!.. Этот год, как и предыдущие, был бедным. Семья – семь человек: отец – кузнец, мать – домохозяйка, с таких доходов не разбежишься. Было голодно – хлеба не вдосталь. В Красноярске в столовой – всё, что хочешь и сколько хочешь – бери! И впервые – мороженое! Театр! Кино! Музеи!

После такой награды – ну, как не учиться?! Саша учится прилежно и участвует в выпуске школьной стенной газеты, где публикуются первые вирши. К сожалению, уроки по литературе и русскому проводятся серенько, бледновато, но успешно пишутся изложения и сочинения.

– Параллельно с этими уроками, – вспоминает А.И., – учитель физики ведёт свои блестящие! И в 10-м классе убедительно говорит:

– Кто у меня по физике имеет отличную оценку, тот при поступлении в любой институт её получит.

У Саши Обухова физика была только на «отлично». Выбор был однозначный – Иркутский государственный университет, физико-математический факультет. Осилен небольшой конкурс – всего 7,5 человек на место (у геологов – 20), и Саша становится студентом.

Учиться и работать

Ожидаемая весёлая студенческая жизнь на деле оказалась печальной. Общежитие не дали, за квартиру пришлось отдавать половину стипендии. Помощи от родителей ждать не приходилось. Началось полуголодное, а зимой, дополнительно, и холодное существование. Зимней ни обуви, ни одежды не было. Тело укрывал всепогодный и всесезонный плащ, на ногах – кирзовые сапоги. Но такое состояние не было редкостью для студентов того времени, поступив-

ших из сёл и деревень. Ежедневно решалась дилемма: или лекции, или подработка... Тем не менее, зимняя сессия сдана. Но такое существование не могло закончиться успешно: весенняя сессия, а точнее, экзамен по любимой физике закончился провалом. Стипендия рухнула. Выход один – работать летом. Это обстоятельство привело Саню в 1957-м году в геоморфологическую экспедицию СО АН СССР, в задачу которой входило измерение глубин Байкала. Его ждала неведомая работа моториста на лодке. Но перед этим на плечи легла забота по подготовке документов и последующего получения техники, а также продовольствия для обеспечения работы экспедиции. И это – в 18 лет...

• 1957 год. Геоморфологическая экспедиция. Залив «Посольский сор»

...Здравствуй, Байкал! Приветствую тебя, белоснежный катер «Обручев»! Здравствуйте, неведомые глубины озера! Мы измерим вас! Начальнику экспедиции и Сане отведен на катере отдельный кубрик. Выкладывая вещички, студент-неудачник обнаруживает лекции по физике, убедительно озадачивается: «Надо изучать. Надо подготовиться к пересдаче». Но, какое там! Какая подготовка?! Рядом же – вот они! – ясные очи и плечи в маечках двух студенток-геодезисток... К концу сезона – обложка общей тетради надёжно покрылась плесенью. Однако, слава Богу, экзамен сдан успешно, хотя и с оговоркой, что поскольку пересдача, то – «удовлетворительно».

Всесторонние уроки не проходили для Сани бесследно. Год за годом его шарики и ролики в голове крутятся всё слаженнее, для них вовремя заливается маслице. В итоге: дипломная работа защищена на «отлично», экзамен по философии – «отлично», физика – «хорошо».

Надо сказать, что студент Обухов в последний год учёбы работал в Политехническом институте, делал дипломную и после окончания университета остался там работать. Впереди – карьера учёного. Но через год работы житейские обстоятельства вынудили оставить институт и переехать в Ангарск.

Литературный «вирус»

Непредвиденное пересечение дороги студента-физика Сани Обухова с путями-

дорогами филологов произошло в конце марта 1957 года. Ему, первокурснику, наконец-то, дали по улице «25 Октября» место в общежитии, комнату №14, на двоих. Он вспоминает:

– Вхожу в комнату. Меня встречает рослый, крепкий парень. Знакомимся. Узнаю, что он – Алик Гурулёв. Второй фразой был вопрос: – А ты знаешь, кто на этой кровати спал? – Откуда знать? Я только-то с тобой познакомился. – Здесь спал Валя Распутин.

В голосе Алика чувствовалось уважительное отношение к Вале, неведомому для меня.

Далее Александр Иванович вспоминает:

– Ещё, кажется, не смолкло последнее слово, как прозвучало: «А ты, Саня, давай сегодня-завтра прописывайся». Я, ещё не обтёртый студенческой жизнью и вообще жизнью, изрёк глупейшее: «А я уже отдал паспорт на прописку коменданту!». Мне было разъяснено значение слова «прописка». Согласно ему следовало – и быстренько! – бежать в ближайший магазин за портвейном, купить хлеба и, хорошо бы, – баночку кильки. Предложенное поручение было исполнено, и малосенькая комната до краёв заполнилась друзьями Алика. Среди них был Валя Распутин.

Быстро искрились дни апреля, мая. За это время студент-физик кратковременно встречался с Валею, познакомился с его друзьями: Кимом Балковым, Владимиром Мутиным, Андреем Румянцевым.

На втором курсе Саня объединился с физиками-однокурсниками в комнате №17. Безусловно, самым радостным событием был день получения стипендии. – Пей, гуляй, беднота! Но – чтоб тихо... тихо! Обитатели комнаты покупали знаменитый «Портвейн 777», хлеб, кильку. И почему-то даже у физиков считалось

• Александр, студент 2-го курса

неправильным не пригласить Валу – будущего великого писателя.

Объяснить это и сейчас Александр Иванович не берётся, но утверждает, что было так:

– Валя, приглашённый кем-то из нас, молча, усаживался на предложенный стул, складывал перекрещенные в кистях руки на колени – и молчал. Иногда он что-то произносил, но как-то молча-шуршаще.

...Общежитские студенты физики и математики были объединены в «кормушку-коммуна» и сдавали стипендию в её кассу. Три человека ежедневно дежурили: готовили-варили, раздавали в столовой. Тяготно было тем дежурным, которым выпадало на долю чистить картошку: три ведра – обалдеть! Но эта работа превращалась в весёлое занятие, когда у дежурных было много друзей.

...На кухню подтягивались не только физики. Сюда с удовольствием заходили историки, юристы, филологи. Шутки, анекдоты, случаи и казусы студенческой жизни – всё здесь сопровождалось смехом. Особый шарм, безусловно, был у филологов. Им присуща была большая раскрепощённость-раскованность, чем физикам. Всё это тянуло Саню к ним и к слову. На втором курсе он становится членом редколлегии, а затем редактором стенгазеты «Жизнь физмата». Остроловы-филологи называли её «Жизнь без мата».

«Прощай!» – сказали университету в 1959-м году Сашины друзья-гуманитарии, и он на многие годы разошёлся с ними.

В 1961-м году Александр, получив специальность физика, тоже попрощался с университетом.

Надо добавить, что, будучи студентом 5-го курса, Александр работал в Политехническом институте и в его Проблемной лаборатории делал дипломную работу. После университета там и остался работать. Впереди – наука! Светлые горизонты учёного! Но судьба распорядилась по своему, и в 1962 году Александр увольняется из института.

Здравствуй, атом!

Сентябрьским днём 1962 года Александр Иванович раскрыл двери секретного предприятия п/я 79, в последствии раскрекченного и именуемого кратко АЭХК.

...Должность инженера-наладчика на основном газодиффузионном производстве пришлось ему по душе: всё – твоё; вникай, изучай, твори! Оборудование совершенствовалось, – наладочно-экспериментальные работы шли непрерывно днём и ночью. Плодотворные два года

прошли быстро, и А. И. получает звание старшего инженера, а через пять лет становится руководителем группы контроля параметров основного оборудования. Внедряются его эффективные рационализаторские предложения, пишутся первые научные работы. Активного инженера направляют в 1967-м году на курсы повышения квалификации в Москву. В это время посещается первая атомная станция в Дубне, институт имени Курчатова. Александр Иванович слушает лекции ведущих профессоров-атомщиков; запомнилась четырёхчасовая лекция-беседа члена-корреспондента Академии Наук – Смородинского.

В 1975, 1983, 1984 гг. следуют курсы повышения квалификации в Свердловске-44.

В 1975-м году Александр Обухов был направлен на курсы, как слушатель и, в это же время, как лектор по теме «Конфликт как категория марксистско-ленинской социологии». И не только для этого...

Суть в том, что Александр Иванович ещё в 1972 и 1973 годах блестяще сдал экзамены кандидатского минимума в СО АН СССР. Ко времени же поездки на курсы в 1975-м году им была подготовлена рукопись кандидатской диссертации на философскую тему: «Развитие промышленных систем газодиффузионного производства». Во время курсов Александру обеспечивают проведение её предзащиты. В заключение председатель комиссии одобрил его выступление и подытожил: «За вами, молодой человек, изобретение и – защита обеспечена». Изобретение было сделано: заявка №2296762/025443, с приоритетом от 5 августа 1980 года. Эффект от его внедрения был ошеломляющим. Продолжительность одной из ремонтных операций основного оборудования сократилась с 24 часов до 1 часа!

Все предпосылки для защиты кандидатской диссертации были налицо. За экономический вклад от изобретения и рацпредложений в размере 100 000 рублей (при курсе 80 коп. за доллар) Александру Обухову присваивают звание «Рационализатор-стотысячник».

К большому сожалению Обухова, руководить заводом пришли недоброжелательные к нему люди, трясущиеся за свои места: «Кандидат наук будет же кого-то подсиживать».

Александр Иванович, в связи с этим, вспоминает:

– У меня с главным инженером завода произошёл краткий диалог.

Он мне заявил:

– Ты где-то там делаешь диссертацию, так там и работай.

На что получил ответ:

– Я не где-то там работаю, а здесь на

заводе совершенству технологию.

Решение главного было подкреплено тем, что для Обухова были «забиты» пропуска на смежные участки и в комбинатоуправление. Не имея пропусков, он вынужденно был ограничен в деловом общении и, как следствие, в движении к защите диссертации.

Прощай, производство. Здравствуй, литература!

Выход из вышеописанных обстоятельств Александр Иванович нашёл в своём увольнении с производства в 1990-м году. К этому решению привело и то, что к этому времени он был активным участником Ангарского литературного объединения, автором нескольких статей и стихов. Его литературные опусы были одобрены Валерием Алексеевым – руководителем литобъединения и опубликованы в газетах «Маяк» и «Знамя коммунизма». Давно привитый Александру литературный вирус дал себя знать.

К тому же, он обнаружил в Ангарске Альберта Гурулёва, того самого из студенческой поры, но уже известного прозаика, члена Союза писателей России. Ко всему добавилось ещё хорошее, – добросердечная Елена Блинова издала в газете «Электротехник» своеобразный сборник его стихов «Свет памяти». С тех пор душевное, сердечное общение этих творцов-стихотворцев не прекращается.

Расставшись с атомом в 1990-м году, Александр Иванович уехал в посёлок Мишелёвка, устроился работать в санаторий «Таёжный» и начал вплотную дружить с Музами. Друзья-заводчане предрекали ему, что сольётся; музы, отдыхающие в санатории, закружат. Александр отвечал, что его могут закружить только пишущиеся с большой буквы Музы. Пить он – не

мастак. А Мишелёвка, мол, станет культурным центром Иркутской области.

«Служенье муз не терпит суеты». Её – суеты – в тихой деревенской жизни не было, поэтому Музы усердно служили Александру. – В 1993-м году издательство «Папирус» в Иркутске издало сборник его стихов «Цветы России». Боголепное послесловие к сборнику было написано известным поэтом Ростиславом Филипповым. Доброжелательным отвлечением к большей подборке стихов откликнулся старейший корреспондент газеты «Восточно-Сибирская правда» – Константин Жуков; корреспондент газеты «Наша земля» – Александр Гладких тоже поместил отзыв и дал подборку стихов. На презентации Ростислав дружески напутствовал автора: «Мы, Саня, открыли тебе дорогу в литературу, а дальше шагай сам». Александр пошагал – и к 2000-му году издал пять сборников. Известные поэты: Анатолий Горбунов, Татьяна Суровцева и Виктор Соколов дали рекомендации в Союз писателей России.

Но, как и в случае с диссертацией, то ли «доброжелатели», то ли ярые злопыхатели сумели охмурить председателя Иркутского регионального Союза, и приём остановился. Злобные активисты не могла ни укусить, ни лягнуть Обухова по литературной части – она была достойной для приёма автора в Союз. Но подлость изворотлива и нашла аргумент: «Зачем 60-летнего старика принимать в Союз...». «Старик» же входил в зенит и физических, и творческих сил.

Аргумент, выдвинутый недругами против Александра Ивановича, остановил моё внимание, и я решил вникнуть в тему детальнее:

– А бывали приёмы в Союз в подобном возрасте?

– Да сколько угодно! Даже старше принимали, – ответил он. – Если мне шестидесятилетнему пеняли на возраст, то,

надо полагать, Вадим Богатырёв, принятый в Союз в восемьдесят лет, воспринимался моими «доброжелателями», как юноша...

– В две тысячи шестнадцатом году, – продолжил Александр, – приняли в Союз Владислава Селиванова, – ему за шестьдесят.

...Однако вернёмся от диалога к повествованию. При наличии сборников, презентаций и рекомендаций в Союз – Александр становится своим человеком, входим в Дом литераторов.

Однажды, войдя в кабинет председателя, он встречается с Валентином Григорьевичем. Мимолётные встречи были и до этого. Надо полагать, что в памяти каждого хранились студенческие годы общения. На этот раз, Александр, послушав собравшихся, решил, что далее состоится деловой разговор председателя и членов Союза с Распутиным, – тактично вышел из кабинета.

Он помнит этот случай и делится воспоминаниями.

– Чья-то рука сзади легко легла на плечо. Оглянулся – Распутин! Он указал мне на одну из дверей и пригласил:

– Заходи.

В кабинете Валентин Григорьевич сел за стол, я – на стул – напротив.

– Рассказывай, чем живёшь... – предложил он.

Понимая занятость писателя, я коротко изложил, какие книжицы издал, кто написал предисловия-послесловия, какие и где были отклики, кто дал рекомендации для приёма в Союз. Я не обмолвился об искусственно созданных доброжелателями препятствиях. Позднее осознал, что надо было сказать...

В итоге краткого общения Валентин Григорьевич напутствовал:

– Нормально, правильно идёшь... Хорошие поэты дали рекомендации, – я их знаю. Успеха тебе, Саня.

Знали бы недоброжелатели, какую духовную силу влил Валентин Григорьевич в будущего писателя Александра! «Правильно идёшь...» – кратко-глубинно – по-распутински.

В роли экскурсовода. Вторая встреча с Распутиным

...Вернёмся к жизни Александра в Мишелёвке. Застопоренный на приёме в Союз он не печалится, – готовит новые книги, проводит литературные встречи, водит отдыхающих на экскурсии, создаёт Художественный музей в санатории. Отзывы о Музее не только на русском. «Журнал отзывов» заполняется на немецком, английском языках. Японцы пишут по-русски... О них – особо, ниже.

...Лето 1997 года расцвело для Александра всеми цветами радуги от произошедшего события. Он, как обычно, сидел в вестибюле санатория за своим рабочим столом культмассовика-предпринимателя. Входная дверь широко распахивается, и входят и входят японцы. Батюшки-свет, как много! Очевидно предупреждённая, их встречает сестра-хозяйка санатория. Кто-то протягивает ей листы.

А теперь послушаем Александра Ивановича.

– Краем глаза я успел заметить, что листы заполнены на английском и кудрявятся японскими иероглифами. Очи хозяйки, по-бараньи, уставились в написанное, потом её взгляд переместился на японцев... Пауза - выжидание.

Глаза японцев становятся похожими на русские. Я смекаю, что хоть я и не работник санатория, но надо вмешаться. Беру листы и читаю японские фамилии, написанные по-английски: Ясио Хомма... Кениши Асари... Ага : вот они – голубчики – вышли из толпы. Фамилии – на двух листах. Соображаю, что среди них должен быть переводчик и по-русски спрашиваю: – Переводчик есть? Слышу: «Да, есть». Выходят двое. Первый представляется: – Нобуюки Накамото. Второй: – Соза Тосака. Я вступаю с ними в диалог. Выясняется, что они сопровождают русским спонсором-предпринимателем, который немного задержался. Выясняется, что их группа состоит из учёных, приглашённых в Иркутск на симпозиум, и артистов труппы «Михаро Дзюки». Понимая, что японцы уставшие, прекращаю диалог, зачитываю фамилии, номера комнат, чтобы гости разместились... Вот и – предприниматель в модном сиренево-фиолетовом пиджаке. Знакомимся. – Гервазюк Альберт. Он быстро сообразил, что лучшего проведения досуга для японцев, чем мои прогулки и экскурсии, быть не может. Так всё и состоялось.

– Когда, перед началом одной из

экскурсий, я извлёк из портфеля томик классика японской поэзии – Исикавы Токубоку, то у переводчика Нобуюки Накамото глаза раскрылись, как у русского. Изустное прочтение стихотворения усилило удивление японца. Немного поговорили о японской поэзии, об особенностях перевода... Затем я вынул из рюкзака... японский магнитофон – и включил... популярнейшую песню «Каникулы любви» в исполнении сестёр-японок Дза Пинац. Японцы были в шоке! На окраине деревни, в далёком, мало кому ведомом санатории, явлена японская культура и – в лучшем виде! Последующие экскурсии: в Художественный музей, на «Поляну очарования», в старинное село Бельск – убедили японцев, что духовность либо она есть, либо нет, и это не зависит от места пребывания её носителя. В знак особого уважения – Нобуюки Накамото подарил мне свою книгу о Чехове, с автографом на японском и русском языках.

Далее Александр поведал следующее:

– Поскольку переводчик Накамото был чеховед, поэтому известил, что артисты покажут на сцене санатория шесть спектаклей по рассказам Антона Чехова! И пусть тексты звучали на японском языке, но, для читавших Чехова, прекрасная игра артистов всё раскрывала понятно! Позднее эти спектакли японцы показали в «Доме актёра» в Иркутске. Так культура Мишелёвки опередила культуру областного центра. Что я и обещал, уезжая в посёлок, – взволнованно закончил Александр Иванович.

Далее из рассказа Обухова следовало, что спонсор пригласил его в качестве гида для дальнейшей работы: сопровождать японцев до Байкала и далее быть с ними согласно их планам.

Мне ранее, со слов Александра, было известно, что после поездки на озеро учёные собрались в Доме литераторов

• Александр Обухов, Соза Тосака, Нобуюки Накамото, Альберт Гервазюк и аспирант

для проведения симпозиума по экологии озёр: Байкала, Хубсугула и японского Тоя.

Этот момент заинтересовал меня:

– И ты был на симпозиуме?

– Да, я сопровождал учёных. Ко времени симпозиума я уже знал, что ведущим с нашей стороны будет Валентин Григорьевич – активный защитник Байкала, а со стороны японцев – Кениши Асара: президент японского аналитического химико-консультативного общества... Я входил в здание первым, за мной – оба переводчика. Нас встречал на втором этаже Валентин Григорьевич. Каково же было его удивление, когда он увидел меня, возглавляющего группу.

– Ты откуда? Как здесь оказался? – быстро спросил он. – Как с ними общаешься?

– А вот два переводчика, – ответил я и приблизил их. – Они ожидают, ловят и переводят мною сказанное. Как оказался с ними – скажу потом.

– Знал ли Валентин Григорьевич заранее о том, кто будет переводчиками, мне неведомо было... Но по тому, как приветливо протянулась его рука к Нобуюки

Накамото, и как они общались в перерывах симпозиума, было видно, что они прекрасно знакомы. Я остался на симпозиуме... Позднее мне довелось проводить японцев в аэропорту.

На поэтической ступени – и надёжно

Правдива поговорка «Плетью обуха (и Обухова) не перешибёшь». Ослаб ли напор злопыхателей или другие причины, но в 2004-м году Александр Обухов, всем составом писательского собрания, единогласно был принят в Союз писателей России.

Достойное положение писателя было подтверждено Александром Обуховым не только приёмом в Союз. В 2005-м году «Рубцовский Центр. Москва» присваивает ему звание победителя Всероссийского конкурса «Звезда полей», в номинации – поэзия.

Годом раньше (2004) этот же «Центр» выдал Александру Обухову Диплом лауреата, в номинации – фотоискусство. Удивительно: два года подряд – в разных номинациях и такой успех! Надо полагать, что ему присуще не только образное поэтическое видение, но и прекрасное визуальное.

Успехов, достигнутых Александром Обуховым на поэтическом пути к 2005 году, не было за всё время литературной жизни Ангарска. Автору данной статьи известно, что после 2005 года творчество поэта, а затем и литературоведа Александра Обухова, достигло более высоких вершин.

Пожелаем нашему талантливому земляку-писателю новых успехов во всех его литературных работах.

■ С. ДУБИНИН,

г. Ангарск

Фото из архива А.И. Обухова

(продолжение следует)

• Проводы в аэропорту. В первом ряду: Нобуюки Накамото, Валентин Распутин, Александр Обухов, Борис Дмитриев, Альберт Гервазюк, Соза Тосака